

День за днем

Свой музей

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА



**Виктор
СОЛДАТЕНКОВ.**
65 лет.
Живет в Саратове.
Хозяин музея

Текст Сергея КАЗОВСКОГО, фото Юрия НАБАТОВА

люди

Слышу по радио: музей Солдатенкова приглашает на очередную выставку изделий народных художественных ремесел, открыт круглые сутки. Что-то новенькое, шутит, что ли, Виктор Васильевич? Оказалось, девушка-репортер ошиблась, прослышав, что он и работает, и живет среди экспонатов. Единственный, наверное, в России музейщик, которому не надо утром на работу приходить, а вечером домой собираться. Малосенькая комнатенка за выставочным залом — приют его трудов и вдохновений. Что же до ночного приема посетителей, Солдатенков в принципе не возражает: если уж кому-то невмоготу рассвета дожидаться, пусть стучит, он проснется, примет. Хотя это, конечно, не продуктовый ларек, а нечто совсем другое. «Красоту поставляю людям», — любит повторять Виктор Васильевич. И поставляет ее многие годы.

Помещение ему дали лет 10 назад после долгих просьб, жалоб, идеологических атак на местное чиновничество. Если б на пивной ларек проходил, наверняка получил бы намного быстрее, особенно если б подмазал. А тут — музей... Чудак какой-то! В помещении, которое ему в конце концов пожертвовали, был подростковый клуб — офици-

ально, а по сути — притон местных пацанов, которых любое искусство, не связанное с курением и выпивкой, совершенно не интересует. К этому надо добавить, что речь идет о рабочей окраине Саратова, знаменитой целыми поколениями уголовных элементов. С начала перестройки они тут, просто как тараканы, копошились, сейчас уважаемые бизнесмены. Страна реформируется... Соседний детский сад по кирпичу и дощечке растащили. К нему тоже приходили: «Васильич, ты чего не идешь, хоть бы чего-нибудь взял для своего музея». Он обижался: «У меня же не воровская малина!» Подумав, добавляет: «Я просто слов не могу подобрать для характеристики нынешней жизни. Но особо не вникаю, варюсь в собственном соку. Съезжу в город, поболтаюсь по автобусам — с ума схожу, одни и те же разговоры, все какие-то сумасшедшие стали... А у меня свой мир, вот он!» — и обводит широким жестом комнату с экспонатами.

Солдатенков в прежней жизни автокрановщиком был. Параллельно начал собирать вокруг себя мастеров-ремесленников, вытаскивать их из нор, как он выражается. Кто плетет, кто вяжет, кто вырезает... Сам он начинал с поделок из древесной коры и корневищ. Приехал как-то дядя жены, москвич, сидели на даче, взял ножичек, какую-то загогулину, говорит: смотри — и вырезал симпатичную штучку. Виктору

понравилась, попробовал сам, загорелся затеей, начал в лес ходить за материалом и мастерить фантастические украшения «для дома, для семьи». При случае съездил в Москву, показал тамошним специалистам. «Не обидишься?» — спрашивают. «Нет», — отвечает. Они и разбомбили его в пух и прах. Дядя жены, а он в этих кругах вращался, потом признавался: думал, дескать, не выдержишь критики, бросишь. «А у меня такое сложение внутреннее», — говорит Васильич, — если что не получается, нелзя или не выходит, обязательно добьюсь, чтобы можно было и получилось».

Примерно с 90-х годов пришло признание. Ни одна союзная выставка не обходится без его участия, точнее говоря, без саратовского музея. «Приглашали даже в Дом Союзов... или Советов — точно не помню, — Солдатенков слегка понижает голос. — И там такая история вышла. Я же с периферии приехал, поставил свои работы, скромно стою в сторонке. Смотрю, два крупных деятеля прогуливаются — один высокий, другой маленький, коренастый, ну как Таралушка и Штесель. Взор так бросили в мою сторону, но не подошли, гуляют. Назад идут, остановились, маленький, коренастый спрашивает: не возражаете, мол, посмотрим? Я отвечаю: затем и приехал, чтоб показать. Он присмотрелся, сказал что-то в том духе, что на правильном пути нахожусь, так, мол, дер-

жать. Дает визитку, завтра, говорит, жду в 10 часов. А я очки в сторону отложил, не пойму, кто такой. Хорошо-хорошо, мол, приду... Когда отошли, схватил очки, читаю: Церетели Зураб Константинович. Вот это да, думаю, вот это птица! Встретились, он как благословил меня на это дело, с тех пор я совсем автокран забросил, в свободное творчество ушел».

В этом месте в нашем разговоре один пикантный момент произошел. Спрашиваю, как удавалось совмещать высокое искусство, материю тонкую и чрезвычайно интеллигентную, с серым и грубым производством, где и водчонка завсегда в почете, и речь далека от профессорской. «Так все было!» — смеется Виктор Васильич. — «Тоже увлекались?» — «Конечно! Но прошло 20 лет, ни грамма. Как началось это дело, все, завязал. Я вот в общество трезвости иногда захожу, говорю им: лечите, сеансы всякие проводите, а что дальше? Чтобы человек бросил пить, его занять надо каким-нибудь хорошим делом». Чтобы избежать кривотолков, замечу, что Солдатенков вовсе не одинок. Неподалеку от музея жена живет, дети, отношения у них прекрасные. Просто удобно ему так, коротать время среди любимых поделок. Кстати, учредителями музея записаны сыновья, снохи, зять, жена, а потому официально он собрал в названии обобщенный семейный образ — «Солдатенко-

вы». Уникальное учреждение культуры налоги не платит, поскольку денег здесь никаких не водится. Плата за аренду помещения тоже отсутствует, действует та самая формула: «Я им красоту поставлю, а они мне все остальное». Они — районные и городские власти, которые приглашают мастеров на каждое праздничное мероприятие. Потом о них, разумеется, забывают. Иногда Васильич ворчит: «Хватит за бесплатно. Хоть бы с компьютером помогли».

Денег он не просит. Доволен грамотами, значками, званием заслуженного работника культуры. Очень жалеет, что в Саратове и фабрика вышивки приказала долго жить, и знаменитая саратовская гармошка... Одни мы, говорят, остались, но не сдаемся. Добил-таки власть: создали художественно-экспертный совет при правительстве, обещали помещение в центре города, а ему, как заведующему, даже зарплату... Солдатенков чиновников патриотизмом берет: «Соберу сирот, научу их хорошим делам, расскажу, как Родине пользу приносить». А вообще-то предпочитает полную независимость. Никому не должен и своим должником никого не считает. Гордится тем, что никому ничего плохого в жизни не сделал. А еще тем, что не терпит дипломатии: сказал — как отрезал, а там разбирайтесь, хотите обижайтесь, не хотите — еще лучше. Редкий экземпляр.